

ЗІНАІДА АГЕЕВА

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

ЛЮБОВЬ И СЛЕЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ

Зинаида Агеева

**Екатерина Великая. Любовь
и слёзы императрицы**

«Алисторус»

2018

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Агеева З. М.

Екатерина Великая. Любовь и слёзы императрицы /
З. М. Агеева — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-18-0

Ни один правитель России не имел столько противоречивых мнений о себе, сколько их было высказано в адрес Екатерины II. Одни считали ее мудрой и дальновидной, называли «Великой», другие считали мелочной и даже деспотичной, обвиняли ее в том, что допустила гибель двух российских императоров – Петра III и Ивана VI, возмущались ее низкими моральными качествами в связи с частой сменой фаворитов... В новой книге З. Агеевой представлено жизнеописание и 34-летнее царствование императрицы Екатерины II, ее преобразования, превратившие Россию в крупную мировую державу. И, конечно же, описана частная жизнь императрицы, а также судьбы ее многочисленных фаворитов.

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-907028-18-0

© Агеева З. М., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Зинаида Агеева

Екатерина Великая. Любовь и слёзы императрицы

Автор выражает благодарность сотрудникам московских библиотек, а также сотрудникам архивов – РГАДА, РГАЛИ, ГАРФ, Отдела рукописей РГБ, оказавшим помощь в поисках исторических материалов.

Предисловие

Ни один правитель России не имел столько противоречивых мнений о себе, сколько их было высказано в адрес Екатерины II. Одни считали ее мудрой и дальновидной, называли «Великой», другие считали мелочной, не всегда справедливой и даже деспотичной, обвиняли ее в том, что допустила гибель двух российских императоров – Петра III и Ивана VI, возмущались ее низкими моральными качествами в связи с частой, почти ежегодной сменой фаворитов, хоть это было не распутством, как писали многие, а одной из форм ее заболевания – нимфоманией. Даже ее внешний облик описывали по-разному.

Некоторых россиян смущало то, что на русском троне оказалась женщина немецкого происхождения. Один из самых популярных американских президентов – Франклин Делано Рузвельт писал в 1935 году литератору Ф. Сломовичу: «Меня не интересует, кто были по национальности мои предки, меня больше интересует – были ли они хорошими гражданами». Большинство россиян тоже оценивали своих государственных деятелей не по национальному признаку, а по их деловым и нравственным качествам.

В России в XVIII веке немало было иностранцев, которые оказали бесценные услуги русскому народу. Они не только передавали россиянам свои знания и опыт, но одновременно распространяли и европейскую культуру. Они оставили по себе благодарную память.

Екатерина II взошла на российский престол после бесславного 6-месячного царствования Петра III, продолжила преобразовательную деятельность Петра Великого, предотвратила упадок России и укрепила ее престиж.

Каждое новое царствование – это новое явление в жизни народа. В эпоху царствования Екатерины II в России было много как героических, так и драматических событий. Ценность ее преобразований в том, что она, будучи чистокровной немкой, сумела проникнуться русским духом, понять психологию русских людей. Екатерина умела управлять людьми. По словам историка Н.М. Карамзина, «она хотела повелевать, как земной Бог, и повелевала».

Были у императрицы и сомнения, и колебания, и разочарование в людях. Были и промахи, которые она умела вовремя исправлять. В противоположность своему предшественнику Петру III, который, сидя на русском троне, ненавидел Россию и русский народ и громогласно заявлял об этом, Екатерина II ценила русских людей и училась у них самобытной мудрости.

Литератор Виктор Лихоносов в статье «О пользе духовного собирательства» писал: «Всегда скорблю о том, что мы станем пылью веков». Екатерина II стала не пылью в истории России, а драгоценным металлом. Ее роль в мировом сообществе высоко ценил французский философ Вольтер, назвав Екатерину II «Великой». Только незаурядная личность могла удерживать императорскую корону и скипетр более 34 лет. Ей суждено было сыграть выдающуюся роль в истории развития России.

Глава 1

Детство немецкой принцессы

– На лбу Вашей дочери вижу корону, по крайней мере, три короны, – сказал один каноник, занимавшийся френологией и хиромантией, принцессе Ангальт-Цербстской Иоганне Елизавете, увидев ее 13-летнюю дочь Софию Фредерику Августу (в будущем Екатерина II) в Брауншвейге в 1742 году, где она гостила у своих родственников.

Предсказание каноника исполнилось только через 20 лет, в 1762 году. Но принцесса Ангальт-Цербстская получила не три короны, а только одну. Но какую! Российскую! Она одна стоила трех европейских. Принцесса поверила в предсказание каноника, в свое блестящее будущее, и жила ожиданием этого важного поворота в своей судьбе. Восшествию немецкой принцессы на русский престол предшествовало много событий, которые оказались судьбоносными как для нее, так и для России.

София Августа Фредерика родилась в Померании в городе Штеттине 21 апреля (2-го мая) 1729 года. Отец Христиан Август герцог Ангальт-Цербстский служил в армии прусского короля в звании генерала, затем занял пост губернатора города Штеттина – небольшого европейского городка, ничем не примечательного. Там он имел свой небольшой придворный штат.

Мать Софии – Иоганна Елизавета была женщиной экстравагантной, взбалмошной и довольно легкомысленной. Вела веселую праздную жизнь. Старалась выделиться из окружающей среды, заявить о себе. Замуж вышла в возрасте пятнадцати лет за немолодого генерала, который был на 22 года старше ее. Помимо Софии родила еще трех детей: двух сыновей – в 1730 и 1734 г. и дочь в 1738 г. Детьми мало занималась. Любила балы, увеселения, периодически надолго уезжала из дома, предоставив заботу о детях воспитателям, гувернанткам и учителям. Дети часто болели, получали травмы во время игр. По недосмотру домашних после простуды у Софии было обнаружено искривление шейного отдела позвоночника, в связи с чем она один год носила корсет.

Софию Фредерику Августу с двухлетнего возраста обучала дочь профессора из Франкфурта-на-Одере мамзель Кардель, о которой позже Екатерина II писала: «Она была умна, начитана, хорошо образована». Под ее руководством маленькая принцесса София Фредерика уже в три с половиной года могла изъясняться на французском языке. Семья не относилась к очень знатной фамилии, и Софии приходилось по требованию матери «целовать край платья важных дам».

Французский историк и писатель Клод Карломан Рюльер (1735–1791) писал: «Семья принцессы жила не в великом изобилии, ее мать лишь изредка приглашали ко двору короля, но в толпе придворных ее едва замечали».

В раннем детском возрасте принцесса была подвижной, резвой, склонной к проказам. Случались у нее и огорчения, и детские обиды, но они быстро забывались, когда появлялись новые впечатления. Ее натуре не свойственны были робость и уныние. У нее был живой характер и восторженная душа. Принцесса жила счастливой беззаботной жизнью и ничем не отличалась от детей горожан, с которыми ей разрешалось играть на улице. Интересы юной принцессы не выходили за пределы детских увлечений.

Образование она получила домашнее. Училась охотно, любила заучивать наизусть стихи отечественных авторов. Для развития кругозора и приобщения к общеевропейской культуре ее возили по разным городам и провинциям северо-запада Европы с посещением культурных объектов, концертов, театральных представлений, водили даже в оперу, но музыку и пение она плохо воспринимала – не было музыкального слуха.

В 1737 году, в возрасте восьми лет, принцесса София Фредерика всю зиму жила с матерью в Берлине. Там ее однажды пригласили к королевскому двору на обед. Она сидела за столом на почетном месте рядом с королевой, замирая от счастья. Ее поразило величие королевского двора, богатая одежда прислуги, дорогая посуда на столе. Она на все смотрела с восхищенным любопытством. Ей казалось, что она попала в волшебный, сказочный мир.

Королеве понравилась непосредственность маленькой принцессы, живость характера, и она в дальнейшем периодически приглашала ее с матерью на торжества при дворе. Никакими особыми дарованиями в детстве принцесса София не поражала. Баронесса фон Принцен – камер-фрейлина (в будущем статс-дама), которая много лет находилась при дворе герцога Ангальт-Цербстского в Штеттине, считала ее заурядным ребенком. Позже, собирая 14-летнюю принцессу для поездки в Россию, баронесса была удивлена скудостью ее гардероба, в котором едва набралось три простеньких платья.

Никаких черт одаренности или выдающихся способностей, которые свидетельствовали бы о великом будущем принцессы, баронесса не заметила. Позже, она в беседе с академиком Тьебо с удивлением заявила:

– Я никогда не угадала бы, что она станет государыней великой державы. Я заметила в ней ум серьезный, холодный и расчетливый, но далекий от всего выдающегося. Я составила о ней понятие, как о человеке обыкновенном. Каково же было мое удивление, когда я узнала об ее необыкновенных приключениях.

Опровергнув мнение окружающих лиц, юная принцесса хоть и поверила словам каноника о коронах, но в будущем сама, своими активными действиями приблизила час своего возвышения.

Глава 2

Невеста наследника

«Чтобы быть счастливым, надо верить в возможность счастья», – писал Лев Толстой. Немецкая принцесса София Фредерика Августа поверила в свое счастливое будущее в 1739 году в 10-летнем возрасте, когда впервые встретила с 11-летним принцем Голштинским Карлом Петром Ульрихом (в будущем император Петр III). Вскоре она узнала, что ее прочат ему в супруги. Принц Голштинский был внуком сестры покойного шведского короля Карла XII и родным внуком русского императора Петра Великого. Он был наследником шведской короны, позже (в 1745 году) Голштинского герцогства, и русского престола (1744 год).

Екатерина II в своих «Записках» писала: «Я была еще ребенком, но титул королевы уже приятно звучал в моих ушах». В год ее знакомства с принцем Голштинским (1739) умер его отец герцог Голштинский Карл Фридрих. Мать принца герцогиня Анна Петровна (дочь Петра Великого) умерла в 1728 году через три месяца после рождения сына.

Оставшись в 11 лет круглым сиротой, принц был определен под опеку своего дяди по отцу Адольфа Фридриха епископа Любского (1710–1771), который в 1751 году стал шведским королем.

Из многочисленных потомков Петра Великого в живых (кроме дочери Елизаветы) остался только его внук – Голштинский принц Карл Петр Ульрих. Российская императрица Елизавета Петровна не замедлила вызвать его в Россию, чтобы провозгласить наследником престола. Приняв православие (он был лютеранин), принц получил имя Петра Федоровича Романова. Когда наследнику исполнилось 15 лет, Елизавета Петровна стала подыскивать ему невесту. Ее выбор остановился на принцессе Ангальт-Цербстской, которая была на один год моложе наследника. Представители европейских дворов были удивлены таким решением Елизаветы. Но у нее были для этого свои соображения: она искала невесту незнатного рода, чтобы была послушной спутницей супруга и не подавляла его своей родовитостью. К тому же Елизавета все еще помнила своего жениха – брата матери принцессы Софии, который скончался от оспы незадолго до их свадьбы.

По приглашению Елизаветы Петровны принцесса София Фредерика с матерью отправилась в Россию в декабре 1743 года. Императрица с нетерпением ждала их прибытия. 23 декабря она пишет рижскому губернатору: «Когда приедет в Ригу принцесса Цербстская, примите ее с надлежащей честью и отправьте при добром офицере и конвое в Москву. Что будет нужно для ее довольства в Риге, учините из нашей казны».

Навстречу принцессам Елизавета послала камер-юнкера Сиверса. Увидев, что одежда принцесс не соответствовала суровому русскому климату, он одел их в собольи шубы. Немецкая принцесса София Фредерика ехала навстречу своей счастливой звезде, своему бессмертию. Будущее показало, что ни ее собственная интуиция, ни предсказания каноника ее не обманули.

На территории России молоденькую немецкую принцессу и ее мать Иоганну Елизавету встречали торжественно, с пушечной пальбой и звуками труб, что было для них непривычно, так как за границей никто не встречал их с такой церемонией. 3 января 1744 года они прибыли

в Петербург, а 9-го уже были в Москве, где находилась Елизавета Петровна с придворным штатом.

Трогательной была встреча двух немецких принцесс с императрицей, которая тепло приветствовала их. Молоденькая принцесса София Фредерика была поражена необыкновенной красотой русской императрицы. Некоторая полнота не портила ее стройную фигуру. На ее нежном бело-розовом лице, которое обрамляли выующиеся пепельные волосы, сияли большие темно-голубые глаза под длинными ресницами.

Елизавета приветливо улыбнулась, показывая ровный ряд перламутровых зубов.

Мать невесты Иоганна Елизавета была польщена теплым приемом в России.

– Повергаю к стопам вашего императорского величества чувство глубочайшей признательности за благосклонность и благодеяния, оказанные нам в пути, – произнесла она, склоняясь в глубоком поклоне.

– Это лишь малость того, что я хотела бы сделать для вас, проделавших нелегкий путь в такую студеную пору, – ответила Елизавета, целуя принцесс.

Императрица долго смотрела на молоденькую принцессу Софию оценивающим взглядом, потом повела ее в свои апартаменты, открыла шкаф с множеством платьев, и передела ее в одно из них, очень роскошное, последней парижской моды. Принцесса не узнала себя в зеркале: она стала похожа на сказочную фею.

В тот же день им был представлен жених Петр Федорович. Принцесса видела его в 11-летнем возрасте и удивилась, что он совсем не намного вырос и в 16 лет выглядел подростком, был худощав, угловат, неловок, с очень бледным продолговатым лицом. Невеста ему понравилась. Он сел рядом с нею и долго не выпускал ее руки. В последующие дни принцессы знакомились с представителями императорского двора.

В России принцесса София увидела другой мир жизни, не похожий на тот, который окружал ее в Европе. В Москве, в Головинском дворце, в котором она поселилась с матерью, была богатая обстановка: блестела позолота и бронза, было много зеркал и хрустальной посуды, персидских ковров, в каждой комнате стояли лакеи в дорогих ливреях, горели камины.

Несмотря на морозную погоду, принцессы совершили поездку по Москве, их сопровождал великий князь Петр Федорович. Они сидели в каретных сани с мягкими сиденьями. Четверка породистых лошадей легко катила сани по заснеженным улицам Москвы. Под дугой звенел серебряный колокольчик. Все поражало воображение молоденькой принцессы – и многочисленные храмы, особенно храм великолепной архитектуры – Василия Блаженного на Красной площади, и зубчатые стены Кремля, и Спасская башня с курантами. Но не понравились ей кривые улицы и улочки, дворянские усадьбы в центре Москвы, окруженные заборами, отсутствие тротуаров, рынок на Красной площади у Кремлевской стены, отсутствие водопровода, в связи с чем по улицам шли и ехали водоносы и водовозы. Молоденькой принцессе больше понравился Петербург, с прямыми улицами и стройными рядами домов, хоть она была в нем всего одну неделю и видела его только из окна кареты.

Радость встреч вскоре была омрачена внезапной болезнью Софии. Попад в другие, более суровые погодные условия, она не сумела быстро адаптироваться к ним. На 15 день пребывания в Москве, в то время, когда императрица находилась на богомолье в Троице-Сергиевой лавре, молодая принцесса слегла в постель с высокой температурой, кашлем и острой болью в грудной клетке, которая не давала возможности сделать глубокий вдох. Вызванные придворные доктора диагностировали сухой плеврит. Испробовав скудный арсенал лекарственных средств, которые были в их распоряжении, они предложили сделать кровопускание. Но мать воспротивилась, заявив, что это может привести дочь к гибели. А дочь стонала и плакала от боли, по временам теряя сознание.

Через пять дней в Москву вернулась императрица и нашла принцессу в тяжелом состоянии. Она вызвала самых опытных медиков, которые сделали больной кровопускание, несмотря

на громкие протесты матери. 27 дней принцесса находилась между жизнью и смертью, и в течение всего этого времени императрица по несколько часов проводила возле ее постели. Периодически заходил жених. После нескольких кровопусканий и других медицинских манипуляций состояние принцессы стало улучшаться. После окончания лечебных процедур она еще длительное время была ослабленной и находилась на полупостельном режиме.

Вскоре к физическим страданиям, хоть теперь уже незначительным, прибавились и нравственные: ее огорчало поведение матери Иоганны Елизаветы, которая вела себя в чужой стране бесцеремонно, а порой даже бестактно, сорила деньгами, брала их займы у близких к императрице людей, вмешивалась в придворную жизнь. Увидев, что дочь начала выходить из кризисного состояния, она прислала горничную с тем, чтобы та уговорила ее отдать отрез материи на платье, красивого небесного цвета. Дочь отдала со слезами на глазах. Узнав об этом, императрица прислала ей другую материю, такого же цвета, но лучшего качества, что вызвало зависть матери. Многие придворные были удивлены, что мать заботится больше о себе, чем о дочери.

К весне принцесса София Фредерика значительно окрепла и 21-го апреля 1744 года впервые появилась на публике. Она была исхудавшей, бледной, и Елизавета Петровна прислала ей баночку румян. Вскоре она стала выходить на прогулку в сопровождении жениха – великого князя Петра Федоровича. Общаясь с ним, принцесса старалась узнать его характер, привычки, интересы. Он не мог похвастаться высоким интеллектом, и рассуждения его были пока еще незрелыми. Внешность его тоже не напоминала сказочного принца, о котором мечтала раньше принцесса. Он был невысокого роста, худощав, диспластичен, узкоплеч. Но она рассчитывала, что с возрастом он возмужает.

Елизавета Петровна была довольна своим выбором невесты для племянника. Принцесса имела привлекательную внешность: у нее были большие, слегка навывкате, карие глаза, (некоторые ее современники считали, что они были темно-синими), открытый лоб, аккуратный тонкий носик с небольшой горбинкой, свежие губы и красивый ряд зубов. Цвет ее лица был не такой, как у русских девушек (телесный или смугловатый), а ослепительно белый. По цвету лица можно безошибочно узнать жителей северо-западной Европы и Прибалтики.

Елизавету радовали не столько внешние данные, хоть и это имело значение, но в большей степени общее развитие принцессы. Елизавета уже с первых дней пребывания Софии Фредерики в Москве убедилась, что она умна, рассудительна, тактична и скромна, но не имела еще большого диапазона знаний. И Елизавета определила к ней трех учителей: священнослужителя Симеона Тодорского для обучения Закону Божьему, переводчика Одадунова Василия Евдокимовича (1709–1780) для преподавания русского языка и учителя танцев придворного балетмейстера Жан-Батиста Ланге. Училась принцесса прилежно, даже ночью вставала и твердила русские слова. А вскоре написала императрице записку на русском языке, чем привела ее в умиление.

28 июня 1744 года принцесса приняла православие, получив русское имя Екатерины Алексеевны (по имени матери Елизаветы Петровны – Екатерины I). На следующий день, 29 июня, в Успенском соборе Московского кремля состоялась церемония обручения 15-летней невесты с 16-летним великим князем Петром Федоровичем. Молодые обменялись кольцами. Был составлен брачный контракт: в нем особенно важна для невесты была статья, по которой она имела право занять русский престол, если супруг скончается бездетным.

В ожидании свадьбы Екатерина (это имя первое время было для нее непривычным), помимо занятий с учителями, занималась самообразованием. Много читала, сначала фантастику и приключенческие романы, а позже литературу по философии, истории, экономике и политике. После обручения императрица стала дарить принцессе драгоценности, деньги, косметику, туалетные принадлежности.

В декабре 1744 года императорский двор после длительного пребывания в Москве отправился в Петербург. Императрица с двором и обе немецкие принцессы выехали раньше вели-

кого князя, который задержался в Москве – заболел корью. После выздоровления отправился вслед за ними. Но по пути, не доехав до Петербурга, возле поселка Хотилово заболел натуральной оспой. Заболевание, в то время крайне опасное для жизни, протекало тяжело. Длительное время великий князь находился на грани смерти. Императрица, уже прибывшая в Петербург, вернулась для того, чтобы самой следить за его лечением и уходом. Пригласила к нему лучшие медицинские силы. Она была крайне обеспокоена болезнью племянника, боялась, что последний наследник русского престола умрет, не оставив потомства.

После некоторого улучшения состояния принца, императрица с великим князем прибыли в Петербург. Болезнь настолько изменила внешность великого князя, что невеста Екатерина Алексеевна не узнала его и была потрясена его ужасным внешним видом. Лицо было отечное, темное, с заплывшими глазами. Когда опухоль уменьшилась, на лице обозначились рябины. Невеста еще не знала, что болезнь изменила не только его внешность, но повлияла на центральную нервную систему, приостановив умственное развитие. Появились непроизвольные мышечные подергивания лица – гримасы. Великий князь долгое время не показывался на публике в таком обезображенном виде, и день его рождения пришлось отмечать только в тесном домашнем кругу.

Срок свадьбы, которая должна была состояться вскоре после прибытия в Петербург, был отложен на неопределенное время. Только через полтора года после прибытия в Россию невесты, в августе 1745 года, по настоянию Елизаветы врачи крайне неохотно разрешили провести свадебные торжества. По мере их приближения невесту вместо радости охватывало тревожное чувство: при взгляде на изуродованное оспой лицо жениха у нее появлялось желание вернуться на родину. Только тщеславные мысли о великом будущем удерживали ее от этого шага.

Глава 3

Несостоявшаяся брачная ночь

*Не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата.*
Е. Баратынский

После возвращения в Петербург принцесса-невеста поселилась с матерью в старом Зимнем дворце на берегу Мойки. В другом конце дворца поселились императрица и великий князь. Дворец был деревянный, просторный, с несколькими пристройками и флигелями. Но Елизавету Петровну он не устраивал, и она приказывает архитектору Растрелли Варфоломею Варфоломеевичу (Бартоломео Франческо) после окончания Смольного начать подготовку проекта нового императорского Зимнего дворца на берегу Невы, на месте бывшего Третьего императорского дворца. Его начали строить в 1754 г. Елизавета Петровна с нетерпением ждала переезда в новый Зимний дворец, но ключи от него архитектору Растрелли пришлось вручать после ее смерти Петру III 6 апреля 1762 года. Она не дожидаясь его открытия всего три месяца.

Летом Елизавета Петровна переселилась в Петергофский дворец и вместе с великим князем заняла верхний этаж, принцесса-невеста с матерью – первый. Молодую принцессу здесь восхищало все – и обширный парк с клумбами цветов, и статуи с именами античных героев, и шумные водяные каскады, и Монплезир с картинами великих художников, и скамейки-шутихи, устроенные Петром Великим для забавы публики: при попытке сесть из них изливался поток воды. Обедали нередко в отдельном домике, так называемом «Эрмитаже», в котором блюда подавались с первого этажа на второй не слугами, а специальным подъемным устройством. Время проходило в играх, танцах, прогулках по предместью, в катании на яхтах. В середине августа императорский двор вернулся в Петербург.

Все придворные с нетерпением ожидали начала свадебных торжеств. Не радовалась этому событию только Екатерина, но убеждала себя в том, что ради российской короны она должна смириться с нерасположением к будущему мужу. Для подготовки к свадьбе императрица Елизавета Петровна разослала во многие европейские столицы письма с просьбой описать свадебные церемонии для наследных принцев.

День свадьбы приближался, и Екатерина со страхом ждала его. «Мною все больше овладевала меланхолия, – писала она в «Записках». – Только желание видеть себя русской императрицей удерживало меня в России».

Свадебные торжества начались 21 августа 1745 года. Гостей было много. В их числе были иностранные дипломаты. Поражало разнообразие блюд и напитков, как и многообразие тостов. Невеста старалась казаться веселой, непринужденной и радостной, хоть не могла равнодушно смотреть на обезображенную оспой физиономию великого князя.

Поздно ночью молодых отвели в спальню. Но супруг, посидев некоторое время возле супружеского ложа, ушел веселиться с лакеями, даже не прикоснувшись к молодой жене. Екатерина была благодарна ему за это, хоть не знала настоящей причины его отстранения. Первую брачную ночь провела одна в постели. То же самое было и в последующие ночи, чему

она была несказанно рада: не нужно было принуждать себя терпеть ласки от нелюбимого мужа. В то же время она не могла понять, почему муж уклоняется от интимной близости. Значительно позже она узнала, что он не способен к половой жизни в связи с врожденным пороком развития полового члена – фимоза (сужение отверстия крайней плоти).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.